

DOI 10.31029/vestdnc93/12

УДК 811.359

СУБСТАНТИВАЦИЯ ИЛИ ДЕТЕРМИНАЦИЯ?

К. Р. Керимов, ORCID: 0000-0003-0550-9984

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

SUBSTANTIVATION OR DETERMINATION?

K. R. Kerimov, ORCID: 0000-0003-0550-9984

Daghestan State University, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье обсуждаются словоформы лезгинского языка, которые обычно трактуются как субстантивированные прилагательные и причастия. На наш взгляд, такая интерпретация этих форм, ставшая традиционной в грамматической теории лезгинского языка, не выглядит аутентичной – присоединение к адъективным словоформам аффиксов *-ди* и *-бур* не приводит к образованию словоформ субстантивной семантики:

Цийи 'новый / новые (определение при именах)' > *цийи-ди* 'новый',
цийи-бур 'новые' (при эллипсисе определяемого имени).

Частеречная семантика исходного прилагательного не меняется, присоединение к нему аффиксов *-ди* или *-бур* выполняет иную функцию – производит такую его модификацию, которая делает возможной транспозицию, невозможную для исходных адъективных словоформ лезгинского языка. В статье аргументируется интерпретация этих аффиксов как устанавливающих референцию, т.е. формантов категории детерминации типа артиклей.

Abstract. The article discusses word forms of the Lezgin language which are usually interpreted as the substantivized adjectives and participles. In our opinion, such an interpretation of these forms which has become traditional in the grammatical theory of the Lezgin language, does not look authentic – adding the affixes *-di* and *-bur* to adjectival word forms does not lead to the formation of word forms of substantive semantics:

çiji 'new (sg) / new (pl) (an adjective that modifies nouns)' > *çiji-di* 'new' (sg),
çiji-bur 'new' (pl) (when there is no modifying noun).

The partial semantics of the original adjective does not change; the adding of the affixes *-di* or *-bur* to it performs a different function – it produces such a modification of it that makes possible a transposition that is not possible for the original adjectival word forms of the Lezgin language. The article argues for the interpretation of these affixes as establishing reference, i.e. formants of the category of determination such as articles.

Ключевые слова: референция, детерминация, определенность, субстантивация, артикль-аффикс, лезгинский и хиналугский языки.

Keywords: reference, determination, definiteness, substantiation, article-affix, Lezgin and Khinalug languages.

В первом монографическом описании лезгинского языка в европейской лингвистической парадигме, книге «Кюринский язык» П.К. Услара, об обсуждаемых единицах говорится, что «если прилагательные находятся отдельно от существительных», то они принимают аффиксы *-ди* (ед. ч.) и *-бур* (мн. ч.) и изменяются по падежам, а при существительных они не изменяются [1, с. 55–56]. При обсуждении причастий П.К. Услар отсылает к тому же комментарию о прилагательных, с которыми в этом отношении причастия одинаковы [1, с. 98–101]. При этом о субстантивации речи не идет, и переводятся примеры прилагательных и причастий с аффиксами *-ди* и *-бур* как словоформы адъективной семантики. Т.е., он их не воспринимает как словоформы субстантивной частеречной семантики, как дериваты прилагательных и отглагольных прилагательных – причастий.

Не воспринимаются они как слова субстантивной семантики и языковым сознанием носителей языка, что можно понять по вопросу к таким словоформам в речи. Прилагательные и причастия, в том числе и с аффиксами *-ди* и *-бур*, отвечают на одни и те же вопросы: *гьи*, *гьим*, *гьихьтин*, *гьихьтинди*, *гьихьтинбур* – со значениями 'какой', 'какие':

(I)

1) прил.: *Ниси хпендини* (*хпен-ди-ни*) *ава*, *келиндини* (*келин-ди-ни*). *Ваз гьим алцумда?* – *Заз хпенди*. 'Сыр и овечий (овцы-тот-тоже) имеется, и коровий (коровы-тот-тоже). Тебе какой взвезить? – Мне овечий (овцы-тот)';

2) *Куьлуь афнияр цик кутаз тур, ирибур хкуда 'Мелкие огурцы солить оставь, крупные выби-рай'*. В этом высказывании прилагательные (*куьлуь* и *ирибур*) являются определениями существительного *афнияр*. Они могут восприниматься, как и в русском переводе, только как адъективы, хотя во втором присутствует так называемый суффикс-субстантиватор *-бур*, согласующийся с эллиптируемым именем в числе;

3) прич.: *Ваз гыхьтин фу гьйда: туьквендай кьачур фу кландани, хьра чрай фу? – Заз хьра чрай-ди гьвааш*. 'Тебе какой хлеб принести: в магазине **купленный** хлеб хочешь или в домашней печи **испеченный** хлеб? – Мне в печи **испеченный** неси'.

Суффиксы *-ди* и *-бур* образуют и формы вопросительного местоимения *гихьтин* 'какой': *гихьтинди* 'какой', *гихьтинбур* 'какие', – которые однозначно воспринимаются как словоформы адъективной семантики.

Термин *субстантивация* применил для обозначения прилагательных и причастий с аффиксами *-ди* и *-бур* Л.И. Жирков. Он пишет, что при употреблении не при именах прилагательные и причастия, будучи **субстантивированы** (выделено нами. – К.К.), склоняются по типу, отличному от типа склонения имен [2, с. 44].

В последующем эти единицы интерпретируются М.М. Гаджиевым в книге по синтаксису лезгинского языка, где он пишет, что «независимое имя прилагательное в лезгинском языке <...> выполняет функцию свободного члена синтагмы. Его основа является носителем признакового (качественного или относительного) значения, тогда как его суффиксальные форманты *-ди*, *-бур* несут морфологическую нагрузку: выступают в роли **субстантивирующих суффиксов** (выделено нами. – К.К.) [3, с. 62].

В специальной работе морфологические свойства этих словоформ обсуждает Р.И. Гайдаров. Он вносит некоторые коррективы в их описание, в частности показывает, что падежная парадигма таких прилагательных имеет формы обоих чисел, в том числе в составе сказуемого: *Ич яруди я* «Яблоко **красное** есть»; *Ичер ярубур я* «Яблоки **красные** есть» [4: 5].

Такая интерпретация этих словоформ утвердилась в теории лезгинского языка и вошла в монографию «Современный лезгинский язык», изданную ИЯЛИ ДНЦ РАН в 2009 г. В ней прилагательные разделены на неизменяемые – атрибутивные формы и изменяемые (склоняемые) – предикативные формы. Последние отличаются от первых наличием семантики субстантивированности, вносимой «суффиксами субстантивации *-ди*, *-бур*». Субстантивированными прилагательными и причастиями могут обозначаться в высказывании субъект, прямой либо косвенный объект, определение, именная часть предиката [5, с. 136–137; 210–212].

Функция определения, отрицавшаяся предыдущими авторами, была эксплицирована в диссертации А.Х. Билаловой [6, с. 45] примерами типа:

(II)

а) *девлетлудан свас* 'невеста **богатого**' (*девлетлу-д-а-н* < *девлетлу-ди*);

б) *наразибурун гьараяр* 'крики **несогласных**' (*нарази-бур-у-н* < *нарази-бур*).

Заметим, что в приведенных трактовках обсуждаемых единиц речь идет фактически о морфологической деривации адъективных словоформ в субстантивные по регулярной словообразовательной модели. Такая квалификация обсуждаемых словоформ не изменялась, хотя основания для этого были. В их числе и некоторые наблюдения в работах уже упомянутых авторов, а также замечание о функциональном сходстве между аффиксами *-ди* и *-бур* лезгинских прилагательных и артиклями *a* и *the* английского языка [7, с. 146].

Прежде всего, мы бы отметили обсуждаемое М.М. Гаджиевым совмещение в таких прилагательных обозначаемого корнем атрибутивного признака с **указанием** суффиксами *-ди* или *-бур* на носителя этого признака. Он пишет, что эти суффиксы «**выступают заместителями**» уже **упомянутого субъекта** (выделено нами. – К.К.), «повторяя его вместе с его признаком» [3, с. 62]. Эта

функция так называемых суффиксов-субстантиваторов – функция «указания», «замещения» – довольно-таки прозрачна и констатируется почти всеми авторами.

Удачно квалифицировал обсуждаемые прилагательные М. Haspelmath, определив их термином *анафорические* [8, с. 111]. Анафора – это языковое выражение, осмысление которого осуществляется рекурсией к контексту. Анафорическое прилагательное (АП) содержит указание на уже упомянутый объект.

На наш взгляд, эллипсис обуславливает потребность в анафоре, которая возмещает эллиптируемое имя носителя признака, без которого само прилагательное – **нереферентно**. В общем случае прилагательное обозначает некий качественный признак, который сам по себе абстрактен и его – вне объекта носителя этого признака – трудно и представить. Говоря об этой особенности прилагательных, А. Вежбицкая пишет, что они в составе именных групп не определяют границ своего подразумеваемого референта, в то время как существительные в общем случае определяют. Поэтому прилагательные не очень пригодны для выполнения двух прототипических функций существительного – **референции** (выделено нами. – К.К.) и категоризации [9, с. 106–107]. Например, что может быть референтом прилагательного *белый*? Границы его референции устанавливает определяемый прилагательным объект, например, *белая бумага*. Прилагательное обретает референтность благодаря соотнесенности обозначаемого им признака с его носителем. Можно говорить, что определяемое имя устанавливает референцию прилагательного «непосредственно». При эллипсисе этого имени референция прилагательного «опосредованно» возмещается грамматическими признаками опускаемого существительного в структуре прилагательного. Например: – *У тебя есть бумага?* – **Белой нет**. Род, число и падеж прилагательного в ответе устанавливают анафорическую соотнесенность признака *белый* с его носителем, обозначение которого в ответной реплике опущено: *Белой (бумаги) нет*. В русском языке именно словоизменительные форманты рода, числа и падежа в прилагательном, при его анафорическом употреблении, согласуются с эллиптируемым именем, как бы указывают на него и «определяют границы своего подразумеваемого референта» (ср.: А. Вежбицкая, выше). Т.е. потребность в установлении референции обозначаемого прилагательным признака в русском языке обеспечивается рекурсивным использованием в составе адъективов показателей грамматических категорий опускаемого имени. Специальной грамматической категории для этого в русском языке нет. В языках типа английского, где у прилагательных отсутствуют словоизменительные формы рода, числа, падежа, эту роль выполняют форманты грамматической категории детерминации – артикли. В лезгинском языке адъективы тоже не имеют форм согласования с определяемым именем, чем же здесь возмещается их референция при эллипсисе существительного? Полагаем, что принимаемыми в теории лезгинского языка за суффиксы-субстантиваторы *-ди* и *-бур*, которые являются на самом деле аффиксами-артиклями, т.е. показателями определенности. В связи с этим приводим ниже нужные в контексте данной статьи характеристики этой категории в интерпретации В.А. Плунгяна [10, с. 161–171].

Функционирование категории детерминации обусловлено свойствами слов как номинаций явлений окружающего мира: имя само по себе лишь выделяет некоторый класс объектов, но в речевой ситуации возникает потребность как-то отличить один из элементов данного класса от других, иначе говоря – соотнести название свойства с его конкретными носителями. Эту функцию выполняют в языке значения, входящие в семантическую сферу детерминации, они «привязывают» свойство к его носителям. Эта операция называется в лингвистике референцией [10, с. 162]. Н.Д. Арутюнова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дает такое ее определение: «Референция – отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [11]. Категория детерминации является грамматическим средством установления референции, ее показатели помогают адресату сообщения установить, какой из объектов, способных иметь имя 'X', имелся в виду говорящим. Из этого следует, что значения детерминации являются необходимыми для общения, и они должны присут-

---

ствовать во всех языках. Но не в каждом языке эти значения выражаются грамматически, т.е. стандартными показателями типа артиклей. Функции детерминации могут выполняться и неграмматическими средствами – лексическими, синтаксическими, морфологическими. Ср. пример В.А. Плуногьяна, в котором значения определенности / неопределенности противопоставлены порядком слов: а) *Работает солярий*; б) *Солярий работает*. В объявлении (а) сообщается, что в здании имеется солярий (о котором адресат, как предполагается, не знает), в случае (б), напротив, предполагается, что адресат знает о существовании солярия, сообщается же о том, что он работает. В английском языке эти предложения различались бы неопределенным и определенным артиклями [10, с. 162].

Среди значений обсуждаемой семантической сферы важным является противопоставление двух типов употребления существительных. При *референтных* (1) употреблениях существительное *X* обозначает один или несколько конкретных объектов. При *нереферентных* (2) употреблениях обозначается весь класс объектов с именем *X*. Ср. употребления слова *человек*:

(1) а. *Я хочу видеть этого человека*; б. *Из дома вышел человек с веревкой и мешком*; с. *К вам приходил какой-то человек, пока вас не было дома*;

(2) а. *Писателей интересует внутренний мир человека*; б. *Человек не может долгое время обходиться без воды и пищи*; с. *Будь человеком, верни мне второй том Мельчука* [10, с. 163].

Референтные употребления распределяются далее на основе того, что знают говорящие о референте существительного *X*. Если говорящий полагает, что адресат не может отождествить объект, то такие именные группы называются *неопределенными*; в противном случае они являются *определенными*. Показатель неопределенности предупреждает адресата о неизвестности референта: *Вчера ко мне приходил один человек* (неопр.). *Этот человек...* (опр.).

Чаще в языках мира встречается тип детерминации, в которой грамматикализуются признаки референтности / нереферентности именной группы. В таких языках не всегда имеются специальные показатели детерминации. Референтность в них может выражаться использованием граммем падежа или числа в несобственных функциях. К таким языкам относят и дагестанские. Категория детерминации, противопоставляющая значения определенности / неопределенности, больше известна по европейским языкам. И, как отмечает В.А. Плуногьян, «с универсально-типологической точки зрения как определенность, так и неопределенность являются частными случаями референтности» [10, с. 167].

Широко известными показателями детерминации являются артикли. Они часто выступают в виде проклитик. Реже обсуждаются в литературе энклитические артикли. При этом тенденция к превращению в постфиксальные морфемы наблюдается среди энклитических маркеров определенности. Для данной статьи примеры постпозиции показателей детерминации представляют большой интерес, поскольку обсуждаемые в ней лезгинские аффиксы *-ди* и *-бур* занимают такую же позицию в словоформах.

Энклитические показатели определенности были описаны в болгарском языке в работах Ю.С. Маслова. Они есть также в македонском, румынском и других языках этого региона, принадлежащих к разным ветвям индоевропейской семьи. Ю.С. Маслов пишет, что артикль при развертывании сочетания присоединяется к концу первого слова именной группы. Он определяет артикль как «подвижную флексию», как «единый и недублируемый грамматический элемент, обслуживающий все (атрибутивное) сочетание»: *гората – зелената – хубавата зелена гора* ‘красивый зеленый лес’ [12, с. 86]¹. Приведем из цитируемых работ также фразовые примеры, в которых артикли-аффиксы определенности представлены в составе как существительных, так и прилагательных:

Таа ја споредува македонската ситуација со ситуацијата во другите словенски јазични заедници ‘Она сравнивает македонскую ситуацию с ситуацией в других славянских языковых общностях’ [10, с. 168];

¹ Ю.С. Маслов цитируется по обзорной статье [12].

Вечеринката беше направила от селското момиче фея ‘Вечеринка сделала из деревенской девушки фею’ [12, с. 93].

Артикль-аффикс, как видим, может находиться в структуре как самих актуализируемых существительных, так и определяющих их прилагательных, но один для всей именной группы. При этом и в составе прилагательного артикль-аффикс указывает на определяемое имя. Такие сочетания структурно организованы наподобие изафета.

Если соотнести с приведенными выше характеристиками категории детерминации свойства лезгинских прилагательных и причастий с аффиксами *-ди* и *-бур*, то легко увидеть типологические сходства между определенными артиклями болгарского языка и обсуждаемыми морфемами лезгинского языка. Однотипным является практически все: функции – устанавливают референцию; детерминирующая семантика – определенность; место в структуре словоформы – постпозиция; и даже диахронические источники – указательные местоимения, с которыми артикли-аффиксы сохраняют прозрачную общность.

В начале статьи мы уже отмечали, что практически все лингвисты, касавшиеся интерпретации обсуждаемых аффиксов *-ди* и *-бур*, писали об их анафорической, рекурсивной функции – они «выступают заместителями» уже упомянутого объекта, «повторяя его вместе с его признаком» [3, с. 62]. А это явно относится к семантической сфере детерминации.

Адъективы с суффиксами *-ди* и *-бур* часто употребляются в ситуациях выбора между известными из речевой ситуации или уже упомянутыми объектами. Например, в высказывании: *Къладжъ фуни ава, хъран фуни. Ваз гъихътинди гъида? – Заз хъранди ‘И буханка есть, и домашний хлеб. Тебе какой принести? – Мне домашний’*. Форма *гъихътинди* ‘который’ используется, как правило, когда вопрос следует после упоминания объектов, из которых предполагается выбор. В таких примерах можно говорить о выделительном значении адъективов с аффиксами *-ди* и *-бур* в лезгинском языке – они выделяют из упомянутых объектов те, что выбираются говорящим. О выделительном значении прилагательных в аварском языке пишет Г.И. Мадиева: «Прилагательные в аварском языке могут иметь выделительное значение: *кЛудияв* ‘большой’ – *кЛудиявав* (*кЛудиявав вуго дир вас* – букв. ‘из других бóльший есть мой сын’), *маххулаб* – *маххулабав* (*маххулабав босе дихъе* – букв. ‘из других железный дай мне’)» [13, с. 261]. Мы бы, для наглядной семантизации, применили такой перевод этих прилагательных: *кЛудиявав* (< *кЛудияв* [I кл.] -*ав* [I кл.]) ‘большой-тот-который’; *маххулабав* (< *маххула-б* [III кл.] -*ав* [III кл.]) ‘железный-тот-который’, – поскольку переводы типа ‘из других бóльший’ вносят семантику сравнения. Кстати, и рассматриваются эти формы, как правило, в контексте поиска в аварском языке аналога категории степеней сравнения прилагательных русского языка. Но семантика сравнения в таких формах отсутствует. Например, в речевой ситуации типа: *Тебе для бульона какую ложку дать – деревянную или железную? – Железную*, – в ответе на аварском языке будет использована форма *маххула-б-ав* ‘железную-ту-которая’ (более или менее железной ложки не бывает). Здесь именно семантика выделения объекта из упомянутых. Аффиксы, образуемые редупликацией маркеров грамматических классов (*-в-ав*, *-б-ав*), выполняют в аварском языке ту же функцию, что и аффиксы *-ди* и *-бур* в лезгинском, а также грамматизирующиеся в виде артиклей-аффиксов указательные местоимения в болгарском языке. Что касается *выделительной* семантики, то ее, на наш взгляд, можно рассматривать как частный случай семантики определенности.

В интерпретации обсуждаемых аффиксов Р.И. Гайдаровым интерес привлекает его замечание о том, что условием принятия исходным прилагательным парадигмы падежей и чисел является субстантивация этого прилагательного, «его переход в категорию, выражающую обобщенную предметность» [4, с. 5]. По нашему мнению, перехода в категорию предметности нет – морфологической, словообразовательной субстантивации аффиксы *-ди* и *-бур* не производят. На это мы обращаем внимание в самом начале статьи. Категориальная семантика оформленного аффиксами *-ди* или -

бур лезгинского прилагательного остается адъективной, как и у ИП. Но, с другой стороны, эта же единица выступает в синтаксических функциях, свойственных именам, т.е. ведет себя как субстантиват. С этой «коллизией», по-видимому, связано цитируемое полемическое замечание Р.И. Гаидарова. Он первым пытался разграничить в этом грамматическом явлении два изменения: одно – пока не получавшая достаточно объяснительной интерпретации функция аффиксов *-ди* и *-бур*, которую мы и пытаемся установить; другое – морфолого-синтаксическая транспозиция, производимая не аффиксами *-ди* и *-бур*, а именно парадигмой склонения. Дериивационное значение в производном слове формируется при такого типа субстантивации посредством смены парадигмы производящего слова. Переход прилагательных и причастий в парадигму словоизменения существительных обусловлен сменой их синтаксических функций – они переходят на позиции подлежащего или дополнения². Однако для такой транспозиции лезгинским исходным адъективом, при эллипсисе определяемого имени, недостает референтности, поскольку в отличие от русских адъективов они не имеют форм словоизменения. В русских адъективах именно они сохраняют соотношенность с эллиптируемым существительным и, следовательно, референтность. Поэтому для лезгинских прилагательных и причастий условием морфолого-синтаксической транспозиции, т.е. перехода в парадигму существительного, является установление референтности. Референтность лезгинских адъективов устанавливается аффиксами определенности *-ди* и *-бур*, к которым агглютинативно присоединяются показатели парадигмы склонения имен, производящие субстантивацию:

(Ш)

ед. число – *гъвечли* ‘маленький’ > *гъвечлиди* ‘маленький-(тот/который)’: Abs. *гъвечлиди-ø* ‘маленький-(тот/который)’ > Erg. *гъвечлид-а* ‘маленький’ > Dat. *гъвечлид-а-з* ‘маленькому-(тому/которому)’ и др.;

мн. число – *гъвечли* ‘маленький’ > *гъвечлибур* ‘маленькие-(те/которые)’: Abs. *гъвечлибур-ø* ‘маленькие-(те/которые)’ > Erg. *гъвечлибур-у* ‘маленькие-(/текоторые)’ > Dat. *гъвечлибур-у-з* ‘маленьким-(тем/которым)’ и др.

То, что аффиксы парадигмы склонения присоединяются к единицам, уже имеющим в своем составе морфемы *-ди* и *-бур*, хорошо видно по формам множественного числа. Из этого следует, что механизм субстантивации прилагательных с аффиксами *-ди* и *-бур* в лезгинском языке не отличается от морфолого-синтаксической (по В.В. Виноградову) субстантивации прилагательных в русском языке. Русское ИП, изначально принимающее показатели падежно-числовых граммем определяемого имени, при эллипсисе этого имени занимает его позицию в высказывании без каких-либо формальных изменений, сохраняя в своем составе форманты граммем опускаемого существительного. Именно эти форманты падежно-числовой парадигмы устанавливают в русском языке анафорическую соотношенность прилагательного с эллиптируемым существительным, т.е. обеспечивают **референтность**, которой недостает прилагательному в отсутствие при нем определяемого имени. Собственно, в этом и состоит процесс этого типа субстантивации.

Лезгинское ИП не способно на такую транспозицию, поскольку оно не имеет падежно-числовых показателей, которые бы анафорически «апеллировали» к опускаемому имени и возмещали тем самым утрачиваемую при эллипсисе имени референтность. А прилагательное с аффиксами-артиклиями определенности *-ди* или *-бур* референтно и, как и русское прилагательное, занимает место эллиптируемого имени и принимает его парадигму словоизменения. Роль субстантиватора лезгинских адъективов также выполняет падежно-числовая парадигма. Но для того, чтобы включиться в синтаксические отношения, передаваемые падежно-числовыми граммемами, лезгин-

² Такая смена словоизменительной парадигмы согласуется с концепцией частей речи И.И. Мещанинова. Он считал, что грамматические категории принадлежат не классам слов, а членам предложения: в позиции определенного члена предложения слова обрстают соответствующими словоизменительными категориями [14].

ским адъективам требуется установление референции посредством аффиксов-артиклей *-ди* или *-бур*, маркирующих значение определенности.

Утверждение о том, что субстантивированное прилагательное (СП) уже не выступает в роли определения при имени, высказывавшееся П.К. Усларом, М.М. Гаджиевым, Р.И. Гайдаровым, было отклонено, как мы отметили выше, А.Х. Билаловой. Она показала, что СП достаточно регулярно может выступать и в роли определения, см. примеры (II) выше и (IV) ниже. Это обстоятельство, на первый взгляд, служит аргументом в пользу нашего утверждения в начале статьи о том, что категориальная семантика прилагательных, оформленных аффиксами *-ди* или *-бур*, остается адъективной. Однако если обратить внимание на грамматическую форму приводимых А.Х. Билаловой СП в роли определения, то можно заметить, что все они имеют форму родительного падежа:

(IV)

деветлудан свас ‘невеста **богатого**’ (*деветлу-д-а-н* < *деветлу-ди*), *наразибурун гьараяр* ‘крики **недовольных**’ (*нарази-бур-у-н* < *нарази-бур*), а также: *келзавайдан шейэр* ‘вещи **учащегося**’ (*келзавай-д-а-н* < *келзавай-ди*), *члехидан ктаб* ‘книга **старшего**’ (*члехи-д-а-н* < *члехи-ди*), *мукьвадан квал* ‘дом **родственника**’ (*мукьва-д-а-н* < *мукьва-ди*), *мукьвадан квализ* ‘в дом **родственника**’, *мукьвадан квале* ‘в доме **родственника**’ и др. (Членимые для анализа на морфы слова взяты из работы А.Х. Билаловой [6, с. 44–45]).

Все эти прилагательные являются относительными (не качественными), даже те, что образованы от исходных качественных прилагательных: *члехи* ‘старший’ > *члехи-ди* ‘старший-тот’ > *члехи-д-а-н ктаб* ‘старшего книга’, – поскольку относительные прилагательные лезгинского языка это в общем случае формы родительного падежа имен. Следовательно, факт, что эти прилагательные в форме родительного падежа, способные быть определениями при именах, образованы агглютинативно от форм эргативного падежа (ед. число – Abs *-ди* > Erg *-д-а* > Dat *-д-а-з* и т.д.; мн. число – Abs *-бур* > Erg *-бур-у* > Dat *-бур-у-з* и т.д.), должен служить – напротив – аргументом в пользу того, что последние субстантивированы.

Однако аффиксы *-ди* и *-бур* – это не суффиксы-субстантиваторы и не форманты именительного падежа. А какую же тогда функцию они выполняют? Полагаем, что это артикли-аффиксы. Возможность следования падежных показателей после артиклей-аффиксов демонстрирует, например, баскский язык, тоже, кстати, эргативный: *Otso-a-ø etorri da* ‘Волк пришел’; *Ehiztari-a-k otso-a-ø harrapatu du* ‘Охотник волка поймал’. Здесь: абсолютив в ед. числе имеет нулевое окончание (*-ø*), *-a-* – определенный артикль, а *-k* показатель эргативного падежа, следующий после этого артикля [15]. Аналогично за аффиксами *-ди* и *-бур* следуют падежные аффиксы в лезгинских адъективах. Артикли-аффиксы *-ди* и *-бур* сохраняются при изменении прилагательного по падежам, падежные аффиксы присоединяются уже к ним.

Именительный падеж эргативных языков, к которым относится и лезгинский, в типологии принято называть абсолютивом. Абсолютный падеж – это падеж с нулевым падежным значением. Падежные значения выражают отношения между реалиями окружающего мира, но номинация какого-либо объекта именем в абсолютном падеже не маркирована никакими отношениями с другими объектами или действиями (поэтому она и способна обозначать как субъект непереходного действия, так и объект переходного), это – «голое» именование. Из оппозиции с другими падежами мы можем принять значимое отсутствие форманта у абсолютного падежа его нулевым показателем. В других падежах парадигмы форманты (не нулевые) присоединяются агглютинативно уже к артиклям-аффиксам *-ди* или *-бур*, устанавливающим референцию и способствующим тем самым вхождению слова в речь и, следовательно, падежную парадигму.

В эту парадигму входит и нулевой показатель абсолютного падежа. Как известно, агглютинации свойственна гапlosemia аффиксов. Т.е., в формах падежно-числовой парадигмы так называемых

СП и причастий присутствует не менее двух агглютинативных морфем, присоединяемых к исходной единице: 1) аффикс *-ди* или *-бур*, который анафорически «апеллирует» к эллиптируемому имени, устанавливая тем самым референцию адъектива; 2) форманты соответствующих падежей (в абсолютном падеже – нулевой). Именно включенность обсуждаемых единиц с аффиксами *-ди* или *-бур* в именную парадигму и производит их субстантивацию – морфолого-синтаксическую транспозицию прилагательных, уже маркированных показателями функции «указания» на эллиптируемое имя. Говоря о двух грамматических значениях, которыми маркированы так называемые СП и причастия, мы имеем в виду именно данное обстоятельство. Кроме того, оформленность адъективов показателями категории детерминации – артиклями-аффиксами определенности *-ди* или *-бур* – маркирует изменение их синтаксической функции – переход их на позицию эллиптируемого имени. Именно поэтому прилагательные и причастия с артиклями-аффиксами *-ди* или *-бур* не выступают в роли определения. Их исходные формы являются определениями при существительных и выполняют свою первичную, онтологически присущую им синтаксическую функцию. А занимая позицию эллиптируемого существительного, они выполняют и его функции. Каждая грамматическая форма имеет свое предназначение, свою функцию. Такова агглютинативная морфемика лезгинского языка – словоизменяющие показатели, в том числе детерминации, следуют один за другим.

Для разграничения обсуждаемых категорий полезно обратиться к концепции первичных и вторичных синтаксических функций частей речи Ежи Куриловича. Согласно этой концепции каждая часть речи обладает иерархически организованным набором синтаксических функций, среди которых имеются первичные и вторичные. Прилагательное может выполнять функции и определения, и сказуемого, и самостоятельного определяемого (анафорическое прилагательное, далее АП). Первичной, присущей ему онтологически, для прилагательного является функция определения. Вторичную синтаксическую функцию – субъекта либо объекта – это же прилагательное может выполнять, оказавшись в соответствующем синтаксическом окружении. Первичная синтаксическая функция принадлежит исходной словоформе, вторичная – производной. Производное слово при такой транспозиции Е. Курилович называет *синтаксическим дериватом*, трактуя его как форму с **одним и тем же содержанием** (выделено нами. – К.К.), что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией: прилагательное-определение → анафорическое прилагательное. При лексической деривации исходное и производное слова идентичны по первичной синтаксической функции: АП → существительное [16, с. 58–63].

На концепцию Ежи Куриловича о первичных и вторичных синтаксических функциях частей речи опирается в своей трактовке субстантивации лезгинских прилагательных А.Х. Билалова, чью диссертацию мы уже цитировали. Для лезгинских прилагательных в ней выделяется три типа субстантивации: 1) истинная субстантивация; 2) квазисубстантивация; 3) предикативная субстантивация [6, с. 52]. Но из ее обсуждения неясно, на каком этапе процесса транспозиции: а) ИП-определение → АП или б) АП → существительное, – происходит субстантивация лезгинских адъективов. Ведь так называемые суффиксы-субстантиваторы *-ди* и *-бур* присоединяются к ИП на этапе а), когда производная единица похожа на ту, которую Ежи Курилович называет *синтаксическим дериватом и которая с тем же содержанием, что и у исходной формы* (выделено нами. – К.К.). А субстантивация уже АП происходит на этапе б), когда совершается переход «АП → существительное».

Заметим, что Ежи Курилович говорит и о формальном изменении слова А в слово В при образовании АП из ИП-определения [16, с. 58–63]. Переходу ИП-определения в АП в русском языке никакие формальные изменения в самом прилагательном не сопутствуют, изменяется только его роль в высказывании. Референтность АП опирается на форманты грамем эллиптированного имени, сохраняющиеся в составе прилагательного. Морфологические изменения в русском прилагательном происходят на этапе перехода «АП → существительное». Производная единица уже имеет категорию рода, а не изменяется по родам, как и существительное, она может иметь при себе определение (*студенческая столовая* и др.).

В лезгинском языке формальные изменения ИП-определения происходят уже при его переходе в АП, к нему присоединяются артикли-аффиксы *-ди* или *-бур*. Это изменение маркирует отнесенность прилагательного к эллиптируемому существительному. Переход ИП в АП обеспечивает ему референтность, которая при эллипсисе определяемого имени получает формальную опору в артикле-аффиксе определенности. АП лезгинского языка, уже референтное благодаря детерминантам определенности *-ди* или *-бур*, способно, в отличие от ИП, выполнять вторичную для прилагательных функцию – занимать синтаксическую позицию именных компонентов и, следовательно, изменяться по падежам, т.е. субстантивироваться. Такую субстантивацию можно охарактеризовать как *синтаксическую* (по Е. Куриловичу), *морфолого-синтаксическую* (по В. Виноградову) или как *квазисубстантивацию*, выделяемую для лезгинских адъективов Х.А. Билаловой. При таком типе субстантивации адъективы, «хотя и занимают позицию существительного, существительными не являются, но могут служить резервом для истинной субстантивации» [6, с. 55]. Т.е. по содержанию АП лезгинского языка не отличается от ИП. Артикли-аффиксы *-ди* или *-бур* придают ему семантику определенности. Функционально эти артикли-аффиксы сопоставимы с показателями рода и числа в составе АП и причастиях русского языка.

Интересное схождение типологического плана обнаруживается между лезгинскими артиклями-аффиксами *-ди* и *-бур* и постпозиционными определенными артиклями в албанском, болгарском, македонском, румынском, молдавском и других языках балканского языкового союза. Это сходство состоит в том, что этимологическим источником артиклей в этих языках являются энклитические указательные местоимения: *-ѣт, -а, -та, -то, -те* – в болгарском; *ille* 'тот', *illa* 'та', *illud* 'то' – в румынском и др. Целый разряд несамостоятельных указательных местоимений грамматикализуется в виде артиклей-аффиксов в адъективных словоформах хиналугского языка. Эти артикли-аффиксы имеют, наряду с функциональным и позиционным сродством, материальную общность с обсуждаемыми лезгинскими артиклями-аффиксами *-ди* (*-зи* – в диал.) и *-бур*. Это следующие хиналугские местоимения³:

(V)

I кл. *du gada* 'этот парень', II кл. *dü xiniṃḳir* 'эта женщина', III кл. *dü pxra* 'эта собака', IV кл. *žičačən* 'этот камень'; I и II кл. мн. ч. *dur laḡəlar, xənəbər* 'эти мужчины, женщины', III и IV кл. мн. ч. *žit pšor, qačəndər* 'эти лошади, камни'.

Эти местоимения представлены в составе самостоятельных причастий и прилагательных морфемами: *-du/-du-, -dä/-dä-, -ži/-ži-, -dur/-dur-, -žit/ -žit-*. Они образуют как бы вторую подсистему классно-числовых показателей в словоформах, уже имеющих в своей структуре обычные классные показатели. Поэтому Ю.Д. Дешериев назвал их классными показателями второго ряда [17, с. 42–80], а в «Фрагментах грамматики хиналугского языка» они определяются как времяобразующие классные показатели [18, с. 117–128; 154–155]. Эти морфемы в сравнении с их аналогами в лезгинском языке подробно обсуждались и в нашей статье [19, с. 149–157]. Они, как и их лезгинские корреляты, служат для образования анафорических самостоятельных причастий и прилагательных совершенно такого же содержания, что и интерпретируемые в этой статье лезгинские адъективы с артиклями-аффиксами *-ди* и *-бур*. Сравним хиналугские примеры и их дословные переводы на лезгинский язык:

(VI)

1) хин. *As jā jukwatqi jā kiri-ž-mä* 'Что бы мне ни захотелось, я делаю (обычно), букв.: Мне что захочется, я делающий-то есть'.

лезг. *Заз вуч кІанхъайумІа, за ийидай-ди я;*

2) *As jā jukwatqi ja kiri-ž-šämä* 'Мне что захочется, я делал (обычно делал)' – лезг. *Заз вуч кІанхъайумІа, за ийидай-ди тир.*

³ Хиналугские примеры взяты из нашей статьи о показателях грамматического класса в хиналугском языке [19, с. 149–157].

В этих примерах *-ž-* (< *ži* местоимения ‘этот’, IV кл.) соотносит ситуацию с объектом *jä* ‘что’, стоящим в номинативе. Значение времени выражается сочетанием основы несов. вида *kiri-* ‘делать’ со связкой в настоящем или прошедшем времени *-mä, -šamä*. Аффикс *-ž-* образует самостоятельное, анафорическое причастие *kiri-ži* ‘делающий-то’, к которому и присоединяется связка. Эти хиналугские формы и их лезгинские корреляты: *idaj-di-ja* ‘буду делать (обычно делаю)’, *idaj-di tir* ‘обычно делал’, – являются фактически морфологическими кальками. Классно-числовые формы анафорического причастия, образуемого энклитическими местоимениями от глагола *kiri* ‘делать’, выглядят следующим образом: I кл. *kiri-du* ‘делающий (букв.: делает-тот)’, II кл. *kiri-dä* ‘делающая (делает-та)’, I и II кл. мн. ч. *kiri-dur*; III кл. *kiri-dü*, IV кл. *kiri-zi*, III и IV кл. мн. ч. *kiri-žit*. В лезгинском языке категория именных классов утрачена, поэтому аффиксов-артиклей только два: ед. ч. – *-ди* и мн.ч. – *-бур*.

Функциональные и материальные сходства между хиналугскими аффиксами *-du, -dä, -dä, -ži, -dur, žit* и лезгинскими *-di (-zi), -bur* позволяют говорить об их едином этимологическом источнике. В целостном виде этот сегмент морфемики – разряд несамостоятельных указательных местоимений, которые грамматикализуются в виде артиклей-аффиксов определенности в исходе причастий и прилагательных – представлен в хиналугском и языке. Аналогичная система классно-числовые вариантов указательных местоимений и образовавшихся в результате их энклизы артиклей-аффиксов в составе самостоятельных прилагательных имеется в будухском языке [20, с. 191–193]. Они также представляют собой целостную подсистему единиц, функционально и материально близких к хиналугским и лезгинским коррелятам. Похожие на эти аффиксы-артиклей единицы в аналогичных функциях и в тех же позициях функционируют и в других лезгинских языках: ед. ч. – *-д*, мн. ч. – *-дар* – в агульском; мн. ч. – *-дар* – в табасаранском; ед. ч. – *-ды* – в рутульском; ед. ч. – *-ду//mtu*, мн. ч. – *-ди* – в арчинском; ед. ч. – *-д*, мн. ч. – *-б, баър* – в крызском [21, с. 524–688].

Отсутствие единиц, похожих на обсуждаемые артикли-аффиксы, в удинском и цахурском языках препятствует выдвижению гипотезы о принадлежности этой категории пралезгинскому языку. К тому же хиналугский язык по принятой генетической классификации находится вне лезгинской группы. А между тем именно в хиналугском языке, наряду с будухским, классно-числовые формы аффиксов-артиклей и их этимологические источники – несамостоятельные указательные местоимения представлены целостной системой. Хиналугский и будухский языки выглядят как центр распространения обсуждаемых изоглосс в ареале лезгинских языков. Можно полагать, что система обсуждаемых артиклей-аффиксов имеет ареальную, а не генетическую общность.

В заключение сформулируем ответ на вынесенный в название статьи вопрос «Субстантивация или детерминация?». Ответ складывается такой – и то, и другое, но в обратной последовательности: сначала – детерминация, затем – субстантивация. Аффиксы *-ди* и *-бур* в исходе прилагательных и причастий, интерпретируемые традиционно как суффиксы-субстантиваторы, на самом деле являются аффиксальными артиклями определенности категории детерминации. Формы *определенных* прилагательных и причастий в лезгинском языке образуются по ставшей хрестоматийной модели аффиксальной детерминации, описанной Ю.С. Масловым в болгарском языке. Субстантивации лезгинские артикли-аффиксы не производят, они возмещают адеквативам референтность, утрачиваемую ими при эллипсисе определяемого существительного. Это, в свою очередь, является условием морфолого-синтаксической субстантивации прилагательных и причастий, т.е. перехода их в словоизменительную парадигму имен. Последовательность двух взаимосвязанных грамматических модификаций отражается и в порядке следования их агглютинативных показателей: аффикс-артикуль определенности (*-ди-* или *-бур-*) плюс аффикс падежа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI: Кюринский язык. Тифлис, 1896. 641 с.
2. Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1941. 132 с.
3. Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. 1: Простое предложение. Махачкала: Дагучпедгиз, 1954. 196 с.
4. Гайдаров Р.И. Система имени прилагательного в лезгинском языке. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2000. 95 с.
5. Современный лезгинский язык / Р.И. Гайдаров, А.Г. Гюльмагомедов, У.А. Мейланова, Б.Б. Талибов; отв. ред. М.Е. Алексеев. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. 482 с.
6. Бидалова Х.А. Субстантивация как способ номинации в английском и лезгинском языках: когнитивный аспект (на материале наименований лица) : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. 180 с.
7. Ризаханова З.З. Сопоставительное исследование частеречных признаков прилагательного в английском и лезгинском языках : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 172 с.
8. Haspelmath M. A grammar of Lezgian. Berlin; New York, 1993. 587 p.
9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
10. Плузган В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
11. Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/411a.html> (дата обращения: 10.03.24).
12. Иванова Е.Ю. Артиклевая система болгарского языка в работах Ю.С. Маслова и в современных концепциях // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 3. С. 84–97.
13. Мадиева Г.И. Аварский язык // Языки народов СССР. Том четвертый: Иберийско-кавказские языки. – М.: Наука, 1967. С. 255–271.
14. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 321 с.
15. Большая российская энциклопедия. 2004–2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4168165> (дата обращения: 12.04.2024).
16. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 456 с.
17. Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 222 с.
18. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. 379 с.
19. Керимов К.Р. К вопросу о показателях грамматического класса в структуре глагола хиналугского языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. XI. Тбилиси: Мецниереба, 1984. С. 149–157.
20. Мейланова У.А. Будухско-русский словарь. М.: Наука, 1984. 251 с.
21. Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. 713 с.

Поступила в редакцию 12.05.2024 г.

Принята к печати 28.06.2024 г.

***

Керимов Керим Рамазанович, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет; 367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; e-mail: kerimk@mail.ru

Kerim R. Kerimov, Doctor of Philology, professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Daghestan State University; 43a, M. Gadzhiev st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367000; e-mail: kerimk@mail.ru